

«МЕРИКАНЦЫ» В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

светлана федотова,
егор гараев

ОБ АМЕРИКАНСКОМ ТРАКТОРНОМ ОТРЯДЕ, ПРИБЫВШЕМ В 1922 ГОДУ В ПЕРМСКУЮ ГУБЕРНИЮ, СЕГОДНЯ НАПОМИНАЮТ ТОЛЬКО КАНАВЫ ВОЗЛЕ ДЕРЕВНИ ТОЙКИНО БОЛЬШЕСОСНОВСКОГО РАЙОНА, ГДЕ СТОЯЛ ИХ ЛАГЕРЬ, ФОТОГРАФИЯ В ПЕРМСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ПОД КРАСНОРЕЧИВЫМ НАЗВАНИЕМ «ПЕРВАЯ БОРОЗДА» ДА ОСТОРОЖНЫЕ СТАТЬИ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ, В ОСНОВНОМ, ЦИТИРУЮЩИЕ В. И. ЛЕНИНА.

фото из фондов государственного архива пермской области

Американские тракторы в Пермской губернии.

Так получилось, что сам председатель Совета народных комиссаров хлопотал о бензине и смазочных маслах на «максимально льготных условиях» для американской тракторной экспедиции и приказывал «поддерживать всячески», подписываясь «Ваш Ленин». И быть бы Тойкино образцово-показательным хозяйством коммунистического труда, первенцем коллективизации и индустриализации союзного значения, с монументом Ленину, покрашенному масляной краской, в центре деревни, да вмешалась политическая конъюнктура и «холодная война». И потому Тойкино так и осталось всего лишь глухой деревушкой на окраине Пермской области, в которой можно снимать фильмы про 1920-е годы. Никаких примет цивилизации. В избах — железные кровати с шпичками, кованые сундуки и множество маленьких фотографий в больших рамках. В общем, почти все как тогда, 84 года назад.

ВРЕМЯ ЧУДЕС

Что привело американца Харольда Уэйра (в советской транскрипции — Гарольда Вэра) в холодную Россию? Ответ можно найти в его дневнике 1929 года.

«Мне предлагают заниматься российскими делами в одной крупной американской компании. Это означает — достаточно денег для весьма и весьма зажиточной жизни.

Сейчас дела у меня обстоят так, что я только-только могу выжить, с трудом могу послать своих детей в приличную школу. Но принять эту должность будет означать жить с чувством невыполненного долга, незавершенной работы, для которой, так уж мне повезло, я являюсь самым подходящим человеком, чтобы помочь: для проведения сельскохозяйственной революции от индивидуального хозяйства к индустриальному. Я могу помочь и обязательно помогу этой быстрой трансформации. Сегодня в

России мы можем помочь людям сэкономить миллионы долларов и миллионы часов рабского человеческого труда.

Если бы я пошел на это предложение, я перестал бы быть их другом и превратился бы только в продавца. Нет уж! Я решил оставаться таким дураком, каким я родился, и продолжать начатое мною дело».

Итак, он был романтиком, но не простым, а прагматичным: когда «Общество друзей Советской России» стало собирать средства для помощи голодающим, Уэйр предложил организовать тракторную экспедицию. На собранные \$50 тыс. было закуплено снаряжение, которое заняло 50 вагонов. В том числе — 20 колесных тракторов «Кейс» последней конструкции, один трактор «Форд-30» облегченного типа, запасные части, два автомобиля «Форд» — легковой и грузовик, электрогенератор, ремонтная мастерская с токарным станком и сварочным аппаратом, 20 борон разного типа, 14 дисковых сеялок, медикаменты, палатки, семена канадской ржи и т. д.

Из США отряд во главе с Харольдом Уэйром отбыл 10 мая 1922 года. Состав экспедиции: четыре фермера из Северной Дакоты, два тракторных механика (бывших служащих завода «Кейс»), врач, агроном (Христа Уэйр), два итальянца и русский эмигрант (киевский рабочий Иван Полищук, проживший 12 лет в Америке). Они подписали контракт на шесть месяцев и обязались работать бесплатно, находясь на полном обеспечении. В Москву прибыли в первой половине июня.

Почему их выбор пал именно на деревню Тойкино, добраться до которой даже сегодня — целое приключение? Неизвестно. Советские историки дают такое объяснение: в то время Пермская губерния была отнесена к первой группе районов, нуждающихся в помощи. «Крестьяне здесь не только никогда не видели тракторов, но почти не имели и лошадей... В этих условиях показ крестьянам работающих на их земле тракторов был самой

действенной агитацией в пользу механизированной обработки земли».

Агитация агитацией, но когда 2 июля отряд прибыл на железнодорожную станцию Верещагино, оказалось, что до Тойкино еще 72 версты по бездорожью и ветхим, полуразрушенным мостам.

Прибытие американцев в Верещагино газеты того времени описывали так.

«На платформах тракторы — гордые, мощные. С ними — американцы-рабочие, прибывшие в Россию, чтобы помочь русскому крестьянину поднять свое хозяйство и с помощью рабочего окончательно закрепить завоеванную свободу... Вокруг и около диковинных машин — кучка рабочих и крестьян ближних деревень. Обсуждают американскую машину... Маленький рыжеватоый голодный мужичок косится, не верит он ей. Слишком чудна машина. Не вытерпел.

«Нет, наш плуг-соха куда способнее этой затеи». — «Ишь, понимает тоже! Соха твоя — ковыряло, а это — силища!» — «Народ мучить только опять будут с этой паровозиной». — «Смотрикось, выгружают! Чудно! Глядь-ко, слезло, а как поползло». — «Чай, не правили дороги-то — так ползет, а на поле што? Вопрос...»

На ремонт тракта и мостов согнали население нескольких волостей. И все равно — до Очера «американцы» добрались только через две недели, 15 июля. Народ собрался с утра пораньше — всем было интересно посмотреть на заморскую машину.

«Но вот показались темные пятна, вдали бегут ребята и кричат: «Едут — везут!». Прибыл и грузовик Павловского завода почти со всеми членами уездного исполкома и ответственными работниками... При тысячной толпе открывается митинг. «Не эксплуататоры, — говорят они, — приехали к вам не концессии >

брат, не обогащаться трудом и богатством народа. Мы протягиваем руку помощи. Да здравствует американский пролетариат, Третий Коммунистический Интернационал и Всемирная революция!» После окончания митинга — беседа. Предложен был чай, закуска. Мужички жмутся около машин».

Поехали дальше. Первым трактором управляла Христа Уэйр — жена Харольда. Это потрясло больше всего. Жители окрестных деревень выходили за несколько километров встречать невиданную процессию.

«Старушка набожно крестится. «Что, бабушка, доброго пути желаете? — «Пронеси господи — эко чудовище, пытит, трохтит, дым-от. Нет, тут непутево, нечисто».

Кулаки шепчут: «Вишь, мериканец все на нехристианский манер ставить хочет. И хлеб теперь бензином будет пахнуть».

Доехали до Тойкино.

КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Даже когда студенты приезжают «на картошку», возникает конфликт цивилизаций с молодежью населенного пункта. А тут — американцы, почти что инопланетяне.

Все в них удивляло. И то, что палатки были электрифицированы, а в них — настоящие кровати. И то, что они оборудовали плиты, «пища на которых варится на приспособленных для этого лампах, дающих особый нагрев». Конечно, изумил кинематограф. И то, что «радушно в лагере тракторного отряда встречают каждого. Ни одного, хотя бы скромного представителя американцы не отпустят без того, чтобы не пригласить в свою столовую, летом в палатке, а сейчас в барак».

Впечатления от работы тракторов записал корреспондент газеты «Звезда», подписавшийся «Касьян».

«А здорово, Митряй, глядь, мухи ее заешь, ползет, режет, а плас-

тат — пластат! Кой, шту наша ковырялка — с моим сивым». — «Н-да, ребята, чудо — и только! Неужели, робята, доживем, што и мы такими трахтурами заробим, пра слово». — «Брось, ребята, — говорит Тихон, кулак Воскресенский. — Все увлекают, чтоб власть-то хвалили».

В начале августа состоялось шоу: соревнование трактора и лошадок с сохой и плугом. «Ошеломляющее было зрелище». Конечно, трактор выиграл, и это было убедительной победой индустриального труда.

Американцы сеяли семена не только ржи, но и коллективизации: когда фермеры продемонстрировали работу трактора крестьянам, один из них выступил вперед и попросил вспахать его личный участок. Один из них ответил: «Твой участок слишком мал для трактора. Если вы с соседями соберетесь и сделаете одно большое поле, я с удовольствием его для вас вспашу».

Однако интернационал — дело хорошее лишь до поры до времени. Накапливались противоречия между американской и русской сторонами, и не только из-за нехватки топлива.

В Государственном общественно-политическом архиве Пермской области сохранилось донесение неизвестного доброжелателя, написанное карандашом:

«Мне и другим товарищам пришлось подметить, что среди американцев маловато спайки. Особенно там есть среди них доктор, который чуть ли не ведет агитацию не только против их, но и русских вообще (весьма подозрительный)».

Заведующий совхозом Чинин так докладывал на партячейке совхоза III Интернационала госкопей Кизеловского района при селе Тойкино.

«Далее я хочу ознакомить вас с поведением и мнением тов. Вэра, который по-русски не говорит и русскую действительность не знает,

и все же считает себя способным делать чудеса, после ряда крутых инцидентов с русскими машинистами, дошедшими до того, что они были обманым путем увезены на станцию, но оказались вываленными в восьми верстах от совхоза, о чем ячейке было известно. Впоследствии ряда грубых выходов фермеров-американцев и пьяной оргии на автомобилях по Тойкино все это привело к тому, что я сделал им замечание, чтоб этого впредь не повторялось. Обидно, что тов. Вэр старался игнорировать меня, проводил вспашку не там, где надо, запахивал местами сено, а главное, запахал 10 десятин клевера, а мне он говорил, что нужно пахать и пахать, притом совершенно бесхозяйственно расходовал бензин и смазочные материалы».

Товарищ Миньков товарища Чинина поддержал.

«В совхозе все дисциплинированы, кроме тов. Вэра, а объясняется это тем, что с прибытием тракторного отряда они игнорировали ячейку и говорили, что подчиняются III Коминтерну — этого достаточно, чтоб видеть, что прибывшие товарищи требуют колоссальной партийной обработки».

Антагонизм крепчал и разбирался на Губкоме, Губисполкоме и в Губземуправлении.

«В настоящее время отряд оказался в Пермской губернии без роду и племени, т. к. Межрабпомгол ликвидировался, а Товарищество рабочей помощи, будучи преемником последнего, от отряда отказалось, и отряд попал в положение наемного работника Кизел-копей... А с другой стороны, отряд не всегда согласует свои действия с Кизел-копями».

«Дорого стоит доставка топлива, т. к. приходится возить со ст. Верецагино за 70 верст, причем мобилизованные на подвозку

топлива крестьяне во время перевозки всяческими способами отливают бензин и разбавляют водой, что вредно отражается на работе машин».

Наступила осень, а американцы так и жили в палатках. Трактора стояли под открытым небом. Чинин предлагал американцам загнать трактора

в войну сыновей, живут одиноко, но дружно.

Почему Роффредо? «Замужем была за одним из тех, кто прибыл к нам вместе с Гарольдом Вэром... Наши, тойкинские, жили дружно с американцами, ходили частенько к ним в гости, устраивали совместные вечера, а однажды

Вся надежда была на единственных оставшихся в живых очевидцев приезда американцев в Тойкино — 91-летних Александра Терентьевича Пустовалова и Пелагею Степановну Дегтяреву. Им в 1922 году было по восемь лет. Они помнят, что у американцев был маленький живой медвежонок на привязи, и они бегали

Пелагея Степановна Дегтярева:
«Так ить это твоя мама была!»

Екатерина Дмитриевна Пустовалова:
«Ты врешь, поди, кока!»

в бывшую церковь женского монастыря, а самим разместиться в кельях, но они настаивали на специальных постройках.

Кончилось тем, что Чинина, как человека «нелактичного», из Тойкино отозвали. А вскоре, под новый 1923 год, американскую экспедицию перебросили в Челябинскую область.

В официальной литературе говорится, что они оставили часть оборудования коммуне «Заря», которая, согласно тем же источникам, образовалась в 1928 году, а с ними уехала тойкинская девушка, которая вышла замуж за итальянца из тракторного отряда.

БРАК ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Газета «Правда» (18 июня, 1973 года) так описывает жите-бытие в Тойкино в середине 1970-х годов.

«В большом доме живут две сестры — Роффредо и Надежда Петровна Юрова. Обе овдовели еще до войны, обе потеряли

и карнавал был. Американцы даже разучили уральский танец «Вдовушка».

В начале 1990-х в Тойкино ездили сотрудники Пермского областного краеведческого музея с экспедицией — искали фотографии или предметы, связанные с пребыванием здесь американцев. Но так ничего и не нашли. Им сказали, что Зинаида Роффредо, у которой было много фотографий того периода, умерла, и куда делись снимки, никто не знает. Еще сообщили, что над Зинаидой Роффредо в деревне подсмеивались — мол, уезжала, да вернулась. Да и сын-то у нее не умер, а в Америке с отцом остался, не захотел в Россию возвращаться.

Мы в Тойкино приехали в декабре 2005 года. Молодые жители деревни и слухом не слыхивали ни про каких американцев. Старики клялись, что не было в их деревне никакой Роффредо или какой другой женщины, чтобы уехала, и вернулась после войны, да потом с сестрой жила.

на него смотреть. Помнят «диво-дивное» — женщина на тракторе ездил («на «Форзончике», — ласково добавляет Пелагея Степановна марку машины), и звали ее все Супольень, что в переводе с местного говора означает «то ли мужик, то ли баба». Помнят, что много чего бросили, когда уезжали, даже молотилку, и потому местные ездили туда, и каждый свое зерно молотил. А вот женщину по фамилии Роффредо не помнят.

— То есть никто из тойкинских женщин с американцами не уезжал? — решили поставить мы точку.

— Отчего же? — вдруг сказала Пелагея Степановна и обратилась к сопровождавшей нас 76-летней Екатерине Дмитриевне — Так ить это твоя мама была!

— Ты врешь, поди, кока, — изумленно сказала старушка, перед этим уверявшая нас, что ничего она не знает про американцев. — Ли че ли мама бы мне не сказала про это?

Но Пелагея Степановна уверенно рассказала, что 18-летняя Марфа >

была бойкой и красивой девушкой и уехала с иностранцем, который был в тракторном отряде, но кто он был — американец или итальянец, она уже не помнит. В какую страну он ее увез, тоже за давностью лет Пелагея Степановна сказать затрудняется. Но помнит, как Марфа ей рассказывала, что там живут хорошо, только вот тосковала она страшно.

Однажды муж Марфы ушел на охоту и там «изурочился», попал в больницу. Долго болел, «весь измохратился». И тогда решила она съездить навестить своих родных. Приехала и думала обратно вернуться: вещи все там оставила, с собой только «переменку» взяла. Да кавалер к ней в Тойкино «причихался». Ну и все — осталась. И родилось у них шестеро детей, да четверо из них умерли.

А мужа-то ее, Дмитрия Степановича, призвали на «монгольскую войну», и он оттуда всего одно письмо прислал, что «Егора Ивановича ранило, а Семена убило», и больше писем не было. Много в ту «монгольскую войну» тойкинских мужиков поубивало, а кто жив остался, тех потом на другую войну — с немцами — послали. А уж оттуда вообще мало кто вернулся.

А в 1945 году у Марфы заболел живот. Мучилась страшно: глухомань, помощи нет. Фельдшер на самолете прилетел, да поздно — она уже умерла. От аппендицита.

Екатерина Дмитриевна потрясенно молчала, и было видно, что она и верит и не верит такому повороту судьбы: когда умерла ее мама, ей было всего 15 лет. Фотографий мамы у нее не оказалось («Не фотографировали раньше»), да и себя молодой тоже нет («Мы робили, некогда было фотографироваться»).

А вот у Пелагеи Степановны сохранилось два снимка из того времени. Она сходила на кухню, достала из тайничка ключ, открыла шифоньер, достала кулечек, из него вынула завязанный носовой платок, а уж оттуда достала карточки.

Шестеро молодых скуластых девушек смотрели со снимка. «Моя тракторная бригада», — скромно сказала Пелагея Степановна, которая, как оказалось, в 1935—1936 годах была не только трактористкой, но еще и бригадиром.

На втором снимке — размером с почтовую марку — угадывался трактор, похожий на трехколесный велосипед, за рулем которого сидела милая девушка в берете.

Снимки эти нам Пелагея Степановна скопировать не разрешила, даже в руки не дала («Помру, тогда и заберете»), лишь бережно завязала фотографии в платок, который положила в кулек, кулек — в шифоньер, шифоньер закрыла, а ключ отнесла опять на кухню, в тайничок.

ДВА МИРА

В те годы, когда Н. Смирнов писал повесть «Джек Восьмеркин, американец» — о мальчике, попавшем в Америку и вернувшемся в СССР в годы коллективизации, в жизни осуществлялся обратный сюжет — американский юноша приехал в Россию, в тракторный отряд Харольда Уэйра, который в конце 1920-х годов работал уже в Ростовской области. Обратно, в США, Лемонт Харрис вернулся во время Великой Депрессии.

Его небедный папа в честь этого устроил званый ужин, на который пришло около десятка человек — все, конечно, в вечерних нарядах. «Корпоративная Америка была на нем хорошо представлена. Там были, среди прочих, президент железной дороги «Балтимор и Огайо», президенты «Вестерн Юнион», «Америкэн Айс»

За рулем — Христо Уэйр, с ним рядом — председатель Оханского уездного исполкома Михаил Солдатов. Второй ряд (справа налево) — ответственный секретарь Оханского Укома РКП (б) Павел Тугнов, уполномоченный Губотдела ГПУ Владимир Ящак, член Укома Василий Лещев. Привстал — Харольд Уэйр. Оханск, 1922 год.

и других компаний», — пишет Лемонт Харрис в своих воспоминаниях.

Они, замерев, слушали про Харольда Уэйра, который «был важной фигурой среди коммунистов и работал на полях Запада, где Интернационал Рабочих Мира организовывал группы сельскохозяйственных рабочих, дровосеков и шахтеров — крутых ребят, не боявшихся ехать на грузовых железнодорожных вагонах, сидя на своем грузе, откуда велик был шанс свалиться».

Про то, что «за исключением отсутствия помещиков жизнь в деревне изменилась мало. Здесь находился сырой человеческий материал, который коммунистическое руководство предложило трансформировать от полуфеодалных отношений к социализму».

Уэйр заявил, что его работа в Советском Союзе завершена, ее основные цели достигнуты. «Нет больше необходимости в демонстрации преимущества механизированного сельского хозяйства над старыми крестьянскими методами. Он сказал, что теперь собирается сконцентрироваться на американском сельском хозяйстве, которое в тот момент страдало от резкого падения цен на продукцию».

Было ли это действительной причиной? Может быть. Стал ли он «продолжателем традиций и дел Джона Рида, Альберта Риса Вильямса и др.», как писали в советской печати? Вероятно. Однако не стоит забывать, что, начиная с работы в Тойкино, Харольд Уэйр настаивал на создании акционерного общества. Более того, вернувшись из Пермской губернии, в США он почти два года занимался организацией смешанной русско-американской компании, которой, по его мысли, должны были быть переданы свободные обширные земельные пространства России. Он проводил переговоры с компаниями, производящими сельхозтехнику.

В 1925-1926 годах Уэйр вновь оказался в России во главе компании The Russian Reconstruction Farms Incorporated, которой предоставили землю на Северном Кавказе. В 1928-1932 годах Харольд Уэйр работал уже в несколько иной сфере, оказывая СССР консалтинговые услуги по организации совхозов. В 1932 году он вернулся в США окончательно, а в 1935 году погиб в автомобильной катастрофе.

А в Пермском крае о том, что когда-то сюда приезжал запыленный американец с тракторным отрядом, то вспоминали, то забывали, то опять вспоминали.

ПЕРМСКИЕ АВИАЛИНИИ

с 04 сентября 2006 г. открывают новый рейс:

ПЕРМЬ — СТАМБУЛ — ПЕРМЬ

Круговой авиабилет
15 450 руб.

В одну сторону
10 400 руб.

СКИДКИ 5%

**БЫСТРО!
КОМФОРТНО!
НАДЕЖНО!**

Справочное бюро: **236-63-68**

Адрес агентства воздушных сообщений:
г. Пермь, ул. Крисанова, 19

savino.perm.ru www.avspal.ru